

под редакцией

Елены Невзоровой-Кмеч

Р

Русский язык в иностранной аудитории

Теория, практика
цели и результаты
преподавания

Языкознание

методика и дидактика

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO

СЕРГЕЙ ЩЕРБИНА

Московский государственный аграрный университет имени К.А. Тимирязева
г. Москва, Россия

ПОНЯТИЙНЫЙ СТАТУС ТЕРМИНОВ «СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК»/ «ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ НАУКИ

В рамках настоящей статьи излагается терминологический аспект интерпретации российскими филологами проблемы соотношения и взаимодействия старославянского, церковнославянского языков; сюда же относятся вопросы определения признаков и границ тех терминов, которые эти языки обозначают.

Грамматическая литература на Руси начинает активно распространяться с XV – XVI вв. Внимание книжников было приковано не к живым языкам, а к языку церковнославянскому, продолжавшему использоваться в качестве одной из форм литературного языка и находившему себе применение не только в сфере религиозной, но и в научных сочинениях, включая грамматики. В обращении оказался термин *словенский язык*, которым обозначали не только язык первых славянских переводов, но и позднейшие видоизменения этого языка на восточнославянской, а также сербской и болгарской почве. Возникла потребность в разграничении соответствующих понятий и обозначении их адекватными средствами выражения.

Переломным моментом в этом направлении стала деятельность М.В. Ломоносова, поскольку именно благодаря его оригинальным идеям и открытиям в области изучения памятников письменности было уточнено понятие «древнейший литературно-письменный язык славян». Его

наименование исследователь осуществляет с помощью трёх терминологических сочетаний: *славенский язык*, *старый славенский язык*, *древний церковнославенский язык*.

В ранних работах по филологии термин *славенский язык* М.В. Ломоносов использовал в том значении, которое он имел на протяжении всего средневековья [Ломоносов 1952, Львов 1975: 10]. Вместе с тем М.В. Ломоносов осознавал, что язык, зафиксированный в древних славянских переводах, использовался не только как язык церкви, но и как науки, и оригинальной, непере译ной литературы. С целью разграничения исконно старославянского языка и разных его изводов, он создает новый термин *старый славенский язык*, который должен был подчеркнуть роль «славенского» языка как изначального в становлении национальных письменных славянских языков, а также его место и значение для изучения живых славянских языков [Ломоносов 1952, Львов 1975: 608]. Таким образом, современный термин *старославянский язык*, употребляемый большинством славистов для обозначения языка славянских переводов IX – первой половины X в.в., восходит к термину М.В. Ломоносова.

Термин *древнецерковнославенский язык* впервые фиксируется в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке», одной из самых известных работ учёного в области филологии [Ломоносов 1952, Львов 1975: 327]. Данный термин не указывает, как и специализированное выражение *старославянский язык*, к какой славянской группе относится этот язык в своей основе, но точно определяет назначение языка первых славянских переводов и его отношение к позднейшим, местным разновидностям церковнославянского языка. Понятийный характер термина способствовал его широкому распространению посредством словообразовательного калькирования в европейской славистике (нем. Altkirche-Slavische, англ. Old Church Slavonic).

Из членов вариантного ряда исследователь предпочтение отдает термину *древнецерковнославенский язык*, полагая, что за ним стоит наиболее полное, исчерпывающее определенное понятие: «язык самых ранних литературных текстов IX – XI веков».

А.Х. Востоков первый литературный язык славян называет *славянским* и *церковно-словенским* [Востоков 1820: 3,17]. Согласно рассуждению учёного, первый термин связан с историей происхождения общеславянского литературного языка, второй призван был подчеркнуть его основную функцию – это культовый язык православной церкви. Однако, несмотря на определённую разницу в наполняемости семантической структуры терминов, они осознавались исследователем как эквивалентные. Впоследствии, когда учёный приступит к работе над «Грамматикой

церковнославянского языка» (1863), он откажется от первого термина в пользу второго. В понимании учёного собственно *Церковно-Словенским* был язык, на который первоначально переведены с Греческого церковныя книги – какому бы он народу ни принадлежал, Моравским ли, Паннонским ли или Македонским Славянам [Востоков 1863: 9]. А.Х. Востоков, принимая когнитивную сущность термина М.В. Ломоносова *древнецерковнославенский язык*, сокращает в нём первый составной элемент *древний*, придавая ему краткость и лёгкость. Авторами термина *церковнославянский язык* стали два выдающихся учёных: М.В. Ломоносов определил семантическую структуру термина, а А.Х. Востоков закрепил его фонетико-графическую оформленность.

В русле предшествующей традиции дифференциация понятий «старославянский язык» – «церковнославянский язык» была предпринята Ф.И. Буслаевым. Вслед за М.В. Ломоносовым язык, на который первоначально переведено было Святое писание, Ф.И. Буслаев называет *древним языком церковнославянским* и *древнеболгарским* [Буслаев 1959: 24]. Второй термин отражает представление учёного о первоначальной лингвогеографической территории общеславянского литературного языка. Термин *древнеболгарский язык* Ф.И. Буслаев употреблял преимущественно для того, чтобы не путать *церковнославянский язык позднего периода* с *древнейшим языком церковнославянским*, в наибольшей чистоте сохранившимся в древнейших его памятниках [Буслаев 1959: 25].

Термин *древнеболгарский язык* находит отражение в работах А.А. Шахматова, однако основу его употребления составляет иная мотивация. А.А. Шахматов, будучи приверженцем младограмматических взглядов на происхождение старославянского языка, рассматривал его прежде всего как письменную фиксацию одного из болгарских (или македонских) говоров, поэтому и назвал его *древнеболгарским*. Концептуально понятия «старославянский язык» – «церковнославянский язык» А.А. Шахматов не разграничивал, полагая, что в начальный исторический период церковнославянский язык был тождествен старославянскому (древнеболгарскому) [Шахматов 1941: 61].

Термин *древнеболгарский язык* для обозначения понятия «старославянский язык» признал недостаточно удовлетворительным крупнейший советский славист А.М. Селищев. По его мнению, термином *древнеболгарский язык* надлежит пользоваться только в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими [Селищев 2001: 34]. Термин *древнеболгарский язык* не может использоваться для обозначения языка славянских переводов IX в. ещё и потому, что старославянский

язык, отражая многие фонетические и морфологические особенности одного из диалектов балканских славян, существенно отличался от этого диалекта в области лексики и синтаксиса.

И.И. Срезневский терминологически не разграничивает понятий «старославянский язык» – «церковнославянский язык»: разные языковые системы он обозначает одним термином *церковнославянский язык* [Срезневский 1959: 33].

В работах А.А. Потебни регистрируются отклонения от взаимно-однозначного соответствия между понятиями «старославянский язык» – «церковнославянский язык» и терминами, их называющими. Проявляется это в том, что А.А. Потебня термином *старославянский язык* называет собственно старославянский язык и *старославянский, который находился в изменении*, т.е. церковнославянский [Потебня 1876: 15].

Окказиональный термин *староболгарский язык*, возникший в результате контаминации компонентов терминов *старославянский язык* и термина Ф.И. Буслаева *древнеболгарский язык*, отмечается только в одной работе А.А. Потебни [Потебня 1876: 18, 26].

В исследованиях А.И. Соболевского первый литературный язык славян обозначен терминами, введёнными в научный оборот предшественниками – *церковнославянский язык, славянский язык* [Соболевский 1981: 4]. Древнеславянский литературный язык, подвергшийся воздействию разговорной стихии Руси, у А.И. Соболевского обозначен несколькими единицами-идиолектами: *русский извод церковнославянского языка, славянорусский язык, обрусевший церковнославянский язык*. Определение, предлагаемое А.И. Соболевским термину *русский извод церковнославянского языка*, включает в себя родовое понятие, указание на его характерные признаки и функцию: *Церковнославянский язык русского извода – (это язык) с известным количеством постоянных и случайных русизмов, употреблявшийся в качестве русского литературного языка* [Соболевский 1980: 50]. Этот термин учёного в исторической русистике получил широкое распространение.

Ф.Ф. Фортунатов понятие старославянского языка связывает с языком несохранившихся кирилло-мефодиевских переводов и языком старейших текстов X – XI в. как этнически древнеболгарских, так и небалканского происхождения. При этом последние квалифицируются в одном случае как церковнославянские, отражающие языковые особенности региона, где они были созданы, так и как старославянские: *...с течением времени старославянский язык обратился у нас в тот искусственный, искаженный язык, который употребляется теперь в богослужении и называется церковнославянским языком. Для того чтобы не смешивать*

с этим ломаным языком тот древний церковнославянский язык, который мы открываем при изучении древнейших его памятников, я называю последний языком чисто старославянским [Фортунатов 1957, Востоков 1820: 7]. Интуиция Ф.Ф. Фортунатова поразительна. Тонкое проникновение в грамматическую и орфографическую ткань древнего текста, позволяет ему констатировать наличие двух грамматических систем: чистый старославянский язык, на котором написаны паннонские памятники, и собственно церковнославянский. Однако учёный не достигает взаимной терминированности соответствующих словосочетаний. Более того, в отдельных случаях исследователь определяемые понятия сводит воедино: *Что касается старославянского, или церковнославянского, языка, то это, несомненно, язык южнославянский и притом родственный ближайшим образом с болгарским языком...* [Фортунатов 1957, Востоков 1820: 5].

В 20–30-е гг. прошлого столетия объективно научное, с позиций современной исторической русистики, представление о старославянском языке было сформулировано Н.Н. Дурново. Представлению А.А. Шахматова о старославянском языке как письменной фиксации болгарских или македонских говоров он противопоставил концепцию старославянского как литературного языка: *Св. Кирилл и Мефодий своими переводами положили начало тому славянскому литературному языку, который в древнейшей известной нам его форме мы называем старославянским; Чтобы определить, что, собственно говоря, относится к старославянскому, а что нет, следует прежде всего обратиться к тем правилам, которым следовали сами писавшие на этом языке в X–XI веках: именно эти нормы и суть старославянские* [Дурново 2000: 587, 695]. Как любой литературный язык, размышляет Н.Н. Дурново, старославянский язык с течением времени эволюционировал, значительно удалившись от своего первоначального состояния, поэтому для поздних литературных языков, выросших из старославянского языка, он считает неверным оставлять прежнее название и предлагает их номинировать терминами *церковнославянский язык* или *варианты* или *редакции старославянского языка* [Дурново 2000: 567]. Инновационное осмысление учёным этих терминов предопределило их современное толкование и понимание: *Старославянский язык – это язык славянских переводов греческих книг – переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в.; Старославянский язык является древнейшим литературным языком славян. На этот язык во второй половине IX в. были сделаны переводы канонической литературы* [Кондрашов 1956: 65–66].

С таким толкованием термина *старославянский язык* нельзя не согласиться, поскольку языковая система первых переводов, какой она восстанавливается и описывается на протяжении уже более полутора столетий, не тождественна тому, что обнаруживается в старейших сохранившихся текстах, включая и древнеболгарские. Г.А. Хабургаев концептуально определил значение термина *старославянский язык* следующей дефиницией: *Старославянский язык – это язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг, которые были выполнены в середине IX в.* [Хабургаев 1986: 5]. В данном определении фиксируется установление хронологических границ языка, понимаемого учёным изначально как общелитературного для всех славян (и, значит, функционально отличного от народно-разговорных языков), свободного от вкрапления в его структуру территориальных субстратных черт. Следовательно, термин в таком значении не может быть использован для обозначения языка сохранившихся славянских текстов, лишь функционально тождественного старославянскому языку – древнейшие памятники письменности, отражающие локальные типы литературного языка, являются образцами раннего церковнославянского в его длительной истории функционирования для области *Slavia orthodoxa*. При таком понимании классифицирующей функции термина *старославянский язык* тексты болгарского происхождения могут быть обозначены как «памятники литературного древнеболгарского языка» (в том смысле, в каком язык «Остромирова евангелия» называется памятником древнерусского литературного языка).

Адекватность дефиниции термина *старославянский язык*, установленной Г.А. Хабургаевым, подтверждают исследования А.С. Львова. Для определения принадлежности текста «Повести временных лет» к памятникам старославянской или церковнославянской письменности учёный проводит всесторонний анализ лексем, учитывая при этом не только их формальные морфологические показатели, но и текст, окружающий анализируемое слово, а также этимологические данные. Согласно проведенному анализу, А.С. Львов констатирует: *В своей работе различаем памятники старославянской и церковнославянской письменности. К памятникам старославянской письменности относят: глаголические: Ассеманиево ев. (Ас), Зографское ев. (Зогр.)... кириллические: Саввина книга (Сав.), Остромирово ев. (Остр.)... Все остальные, как: Болонская псалтырь, Синайский патерик, Успенский сборник, Изборники 1073 и 1076 гг. и мн. др. именуются памятниками церковно-славянской письменности* [Львов 1975: 5–6].

По замечанию исследователей, оперирующих термином *старославянский язык*, он, как и термин *древнецерковнославянский*, не определяет,

к какой именно славянской группе относится этот язык в своей основе, но в отличие от других, в том числе и последнего термина, имеет ряд преимуществ. Во-первых, в термине *старославянский язык* не отражено изначальное функциональное предназначение языка. Во-вторых, элемент *старо* в составе термина указывает на его первичность по отношению к другим литературным славянским языкам, что позволяет не смешивать собственно старославянский язык с его поздними редакциями (этот факт косвенно указывает на лингвистическое значение старославянского языка для изучения славянских литературных языков в диахронии). И, в-третьих, термин, будучи менее громоздким на фоне других номинативов, активен в осуществлении словообразовательных процессов по образцу существующих словообразовательных парадигм, легко вступает в синтагматические отношения с другими единицами языка.

В заключение заметим следующее. Нечёткое употребление терминов *старославянский язык* – *церковнославянский язык*, невнимание к концептам, которые они обозначают, зачастую приводят к двусмысленному толкованию терминов, порою их многозначности. Особенно многозначен термин *старославянизм*. Старославянизмами называют явления, непосредственно связанные со старославянским языком, т. е. факты того языка, под которым большинство современных языковедов понимает язык древнейших дошедших до нашего времени письменных памятников общеславянского значения. Достаточно часто старославянизмами называют и такие языковые явления, которые обычно относят не к старославянскому, а церковнославянскому языку. Также старославянизмами называют явления, характеризующие книжный тип речи данного славянского литературного языка, его торжественный высокий стиль. Существующая неопределённость в употреблении термина *старославянизм* позволяет исследователям не заниматься анализом собственно старославянского материала и ограничиваться лишь выделением определенных структурных «старославянских признаков», что в той или иной мере искажает реальное соотношение языковых фактов. В последнее время употребление термина *старославянский язык*, а, следовательно, и терминов *памятник старославянского языка*, *факт старославянского языка*, *старославянизм* становится все более и более неточным, расплывчатым. Расширительный подход к понятию «старославянский язык» требует в каждом конкретном факте специального исследования, привлечения в качестве доказательства значительного сравнительного материала, как из самих старославянских текстов, так и из церковнославянских памятников, из отдельных славянских языков (из литературных и диалектных источников).

Термин *старославянизм* должен употребляться только применительно лишь к тем фактам, которые заимствованы в данном литературном славянском языке из старославянского, к таким языковым явлениям, которые имеют место в конкретных памятниках старославянского языка. Внесение в термин *старославянизм* элементов стилистических, относящихся к истории употребления данного слова в том или ином литературном славянском языке, часто затрудняет не только изложение, но и критерии анализа исследуемого материала. В таких случаях уместнее пользоваться термином *славянизм*, так как в нём не содержится прямого соотнесения со старославянским языком и вместе с тем даётся стилистическая характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

- Буслаев Ф.И.** (1959), *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Востоков А.Х.** (1820), *Рассуждение о славянском языке*, [w:] *Труды Общества любителей российской словесности*. Ч. XVII, Москва
- Востоков А.Х.** (1863), *Грамматика церковно-словенского языка*, Санкт-Петербург.
- Дурново Н.Н.** (2000), *Избранные работы по истории русского языка*, Москва.
- Кондрашов Н.А.** (1956), *Славянские языки*, Москва.
- Ломоносов М.В.** (1952), *Труды по филологии*, Полное собрание сочинений, Т. 7, Москва–Ленинград.
- Львов А.С.** (1975), *Лексика «Повести временных лет»*, Москва.
- Потебня А.А.** (1876), *К истории звуков русского языка*, Воронеж.
- Селищев А.М.** (2001), *Старославянский язык*, Москва.
- Соболевский А.И.** (1891), *Древний церковнославянский язык. Фонетика*, Москва.
- Соболевский А.И.** (1980), *История русского литературного языка*, Ленинград.
- Срезневский И.И.** (1959), *Мысли об истории русского языка*, Москва.
- Фортунатов Ф.Ф.** (1957), *Избранные труды*, Т. 2, Москва.
- Хабургаев Г.А.** (1986), *Старославянский язык*, Москва.
- Шахматов А.А.** (1941), *Очерк современного русского литературного языка*, Москва.

К юбилею Уршулы Семяновской

2014 год. Сентябрь. В Лодзинском университете проходит вторая научно-методическая конференция, организованная Кабинетом дидактики русского языка. Первая состоялась в 2011 году. Это начало было положено Уршулой Семяновской, заведующей Кабинетом. Тогда в Лагевницком лесу в университетском конференционном центре она, будучи организатором этого мероприятия, принимала гостей из Кельц, Кракова, Ополя, Торуня, Варшавы (Польша), Барнаула, Москвы и Волгограда (Россия). Каждый мог увидеть, какой души человек наша «начальница»: добрая, сердечная, отзывчивая, гостеприимная. Теплый прием стал визитной карточкой методической встречи в Лодзи. Многие из коллег приехали на вторую конференцию специально для нее.

Общение с У. Семяновской доставляет истинное удовольствие. Она тонко чувствует людей и умеет найти к каждому подход, охотно делится своими знаниями и опытом, служит в нужный момент советом. Уршула Семяновская – это безупречный педагог и заведующая.

Она не успокаивается на достигнутом и постоянно совершенствует свое профессиональное мастерство, пополняет свой багаж знаний и умений и этого же требует от своих подчиненных.

Она своим примером показала и показывает, каким должен быть настоящий учитель. Она именно такая — охотно оказывающая помощь и доброжелательная ко всем. *Мы поздравляем Уршулу Семяновскую с прекрасным юбилеем. Желаем здоровья, долгих лет жизни, счастья, благополучия, неиссякаемой творческой энергии и успехов во всех начинаниях. Мы гордимся тем, что Вы у нас есть.*

Коллеги

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGOul. Williama Lindleya 8
90-131 Łódź

tel.: 42 66 55 863

fax: 42 66 55 862

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

ISBN 978-83-7969-754-0

9 788379 697540